

Жорж Роденбах

Мертвый Брюгге

Жорж Роденбах
Мертвый Брюгге

«Public Domain»

1892

Роденбах Ж.

Мертвый Брюгге / Ж. Роденбах — «Public Domain», 1892

«День умирал, наполняя мраком коридоры огромного безмолвного дома, налагая точно креповые покровы на окна. Гюг Виан собрался выйти, по своей привычке гулять ежедневно в сумерки. Ничем не занятый, одинокий, он проводил целый день в своей комнате, обширном зале первого этажа, окна которого выходили на quai du Rosaire, где стоял его дом, отражаясь в воде...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	10
Глава IV	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Жорж Роденбах

Мертвый Брюгге

Глава I

День умирал, наполняя мраком коридоры огромного безмолвного дома, налагая точно креповые покровы на окна.

Гюг Виан собрался выйти, по своей привычке гулять ежедневно в сумерки. Ничем не занятый, одинокий, он проводил целый день в своей комнате, обширном зале первого этажа, окна которого выходили на quai du Rosaire, где стоял его дом, отражаясь в воде.

Иногда он читал журналы, старые книги; много курил, мечтал у открытого окна в серые дни, отдаваясь воспоминаниям.

Исполнилось пять лет с тех пор, как он живет таким образом, переселившись в Брюгге после смерти жены. Прошло уже пять лет! И он повторял сам себе: «Вдовец, я – вдовец!» Непоправимое и короткое слово, хорошо определяющее одинокое существо!

Для него разлука была ужасна: он познал любовь в роскоши, среди досуга, путешествий, новых стран, обновлявших идиллию. Это была не только мирная отрада примерной супружеской жизни, но не ослаблявшаяся страсть, продолжительное возбуждение, более спокойный поцелуй, слияние душ, различных, но все же соединенных, подобно параллельным набережным канала, смешивающего оба их отражения.

Десять лет такого счастья были едва уловимы: настолько они быстро прошли!

Затем молодая женщина умерла, накануне тридцатого года, пролежав в постели только несколько недель, вскоре уже распростертая на этом ложе последнего дня, врезавшемся навсегда у него в память: он видел поблекшую и белую, как освещавшая ее свеча, свою жену, которую он обожал, когда она была так прекрасна, с ее цветом лица, как у цветка, с ее широкими и черными зрачками, точно окруженными перламутром, темный цвет которых служил контрастом к ее длинным и волнистым волосам, оттенка янтаря, покрывавшим, если она их распускала, всю спину. У Мадонн старых мастеров встречаются такие золотые волосы, спускающиеся нежными волнами.

Наклонившись над ее телом, Гюг отрезал этот сноп волос, заплетенный в длинную косу во время последних дней болезни. Не есть ли это сострадание смерти? Она разрушает все, но оставляет без изменения волосы. Глаза, губы, – все меняется и исчезает. Волосы даже не теряют своего цвета. Только в них люди переживают себя! Теперь, через пять лет, сохраненные волосы умершей жены совсем не побледнели, несмотря на горечь стольких слез, пролитых над ними.

Гюг Виан в этот день еще мучительнее пережил все свое прошлое из-за серой ноябрьской погоды, когда колокола словно рассыпают по воздуху прах звуков, мертвый пепел многих лет.

Однако он решился выйти не для того, чтобы искать вне дома какого-нибудь принудительного развлечения или какого-либо лекарства от своего горя. Он не хотел даже пытаться сделать это... Но он любил блуждать в сумерки, находить сходство между своим трауром и одинокими каналами или частями города, где много монастырей.

Спускаясь в нижний этаж своего дома, он заметил, что были настежь открыты в светлый коридор обыкновенно запертые двери.

Он позвал среди тишины свою старую служанку: «Барбара!.. Барбара!..»

Сейчас же показалась женщина в амбразуре первой двери и, догадываясь, почему окликнул ее хозяин, сказала:

– Сударь, я должна была убирать сегодня комнаты, потому что завтра праздник.

– Какой праздник? – недовольным тоном спросил Гюг.

– Как? Вы не знаете? Праздник Введения во храм. Я должна пойти к обедне в Бегинаж. Этот день равен воскресенью. Завтра я не могу работать, поэтому я убираю комнаты сегодня.

Гюг Виан не скрыл своего неудовольствия. Она хорошо знала, что он желает присутствовать при уборке. В этих двух комнатах находилось слишком много драгоценностей, воспоминаний о Ней и о прошлом, чтобы предоставить служанке убирать там одной. Он желал иметь возможность следить за нею, за ее движениями, проверять ее осторожность, видеть степень ее почтительности. Он хотел сам дотрагиваться – если нужно было их снять с места, чтобы стереть пыль – до тех или других дорогих безделушек, вещей умершей, подушки, экрана, вышитого ее руками... Ему казалось, что прикосновение ее пальцев ощущалось повсюду, среди этой неприкосновенной и все еще одинаковой обстановки, диванов, кушеток, кресел, на которых она сидела и которые, так сказать, сохранили форму ее тела. На занавесках оставались увековеченные складки, которые она им придала. Ему казалось, что надо с осторожностью мыть губками и вытирать светлую поверхность зеркал, чтобы не стереть отражения ее лица, скрытого в глубине. Но больше всего Гюг старался сохранить и сберечь портреты бедной умершей жены, – портреты, снятые в различное время, повсюду разбросанные, на камине, маленьких столиках, на стенах, и в особенности – какая-нибудь случайность с ними могла бы разбить ему его душу! – он дорожил этими длинными волосами, которые он не пожелал запереть в ящик комода или в какую-нибудь темную шкатулку – что равнялось бы заключению их в гробницу! – а предпочел, видя, что они остаются живыми, неизменного золотого оттенка, оставить их распущенными и видимыми, точно это была бессмертная частица ее любви!

Чтобы постоянно созерцать эти волосы, точно продолжавшие ее существование в этой всегда одинаковой комнате, он поместил их на безмолвном отныне пианино, просто распущенными, точно прерванную косу, разбитую цепь, канат, уцелевший от кораблекрушения! Чтобы спасти их от осквернения, сырого воздуха, могущего изменить их цвет, как бы окисировать их металлический оттенок, ему пришла в голову мысль – наивная, если бы она не была трогательной! – заключить их под стекло в прозрачную шкатулку, хрустальный ящик, где покоилась бы обнаженная коса, которой он желал поклоняться вечно.

Ему, как и всем безмолвным окружающим предметам, казалось, что с этими волосами связано их существование и что они являются душой жилища.

Барбара, старая служанка-фламандка, немного хмурая, но преданная и заботливая, знала, как осторожно надо обращаться с этими предметами, и подходила к ним с дрожью. Необщительная, в своем черном платье и чепчике из белого тюля, она имела вид сестры-привратницы. К тому же, она часто ходила в Бегинаж повидать свою единственную родственницу, бегинку, сестру Розалию.

От этих посещений, от этой благочестивой привычки, она усвоила любовь к тишине и скользила по комнатам, точно всегда шла по церковным плитам. Она не вносила ни шума, ни смеха в печальный дом Гюга Виана, и он привык к ней с самого своего приезда в Брюгге. У него не было другой прислуги, и она сделалась ему необходима, несмотря на ее невинную тиранию, ее причуды старой девы и ханжи, ее желание действовать по-своему, проявившееся и в этот день, когда она из-за священного праздника привела в беспорядок комнаты, несмотря на его строгие приказания.

Гюг подождал уходить, пока она не убрала мебель и пока он не убедился, что все дорогое ему цело и поставлено на место. Затем, успокоившись, он запер окна и двери и решил сделать свою обычную прогулку в сумерки, несмотря на продолжавшийся дождь и частый туман конца осени, – мелкий вертикальный дождь, который точно плачет, тклет воду, наматывает воздух, усеивает иголками гладкие каналы, охватывает и пронизывает душу, подобно птице, попавшей в мокрые сети с бесконечными петлями!

Глава II

Гюг каждый день отправлялся по тому же пути, вдоль набережных, неровною походкою, уже немного согнувшись, хотя ему только что исполнилось сорок лет. Но вдовство создало ему раннюю осень... Виски еле обнажились, в волосах виднелась седина. Его поблекшие глаза смотрели вдаль, очень далеко, по ту сторону жизни.

Каким печальным, подобно ему, казался Брюгге в такие вечера! Он любил его таким! Из-за этой самой грусти он избрал его и переселился сюда после своего великого горя. Прежде, в пору счастья, когда он путешествовал со своей женой, живя сообразно с своей фантазией, ведя несколько космополитический образ жизни – в Париже, за границей, на берегу моря, – он мимолетно заезжал сюда с нею, но великая меланхолия этого города не могла повлиять на их радость. Позднее, став одиноким, он снова вспомнил о Брюгге и неожиданно захотел отныне навсегда поселиться там. Создавалось таинственное сходство! Мертвой супруге должен был отныне соответствовать мертвый город. Его великий траур требовал подобной обстановки. Он мог переносить жизнь только здесь. Он инстинктивно понял это. Пусть люди в других местах волнуются, шумят, устраивают пышные празднества, оглашают воздух тысячью различных звуков! Он нуждался в бесконечном безмолвии и столь однообразном существовании, чтобы оно не казалось даже жизнью.

Почему возле физических страданий, в комнате больного, надо молчать, заглушать свои шаги? Почему шум, голоса кажутся точно срывающими перевязку и раскрывающими рану?

Нравственным страданиям шум тоже приносит боль!

Среди немой атмосферы вод и пустынных улиц Гюг менее чувствовал страдание своего сердца, он думал с большею нежностью о своей умершей. Он яснее увидел и услышал ее снова, находя в воде каналов отражение ее лица, словно умирающей Офелии, угадывая ее голос в тихом и далеком пеннии колоколов...

Город, также некогда любимый и прекрасный, воплощал его сожаления. Брюгге был для него его умершей. А умершая казалась ему Брюгге. Все сливалось в одинаковую судьбу. Мертвый Брюгге сам был положен в гробницу из каменных набережных, с похолодевшими артериями его каналов, когда перестало в нем биться великое сердце моря.

В этот вечер, более чем когда-либо во время его бесцельных скитаний, мрачное воспоминание охватывало его, показывалось из-под мостов, где словно плачут лица невидимых источников. Похоронное впечатление исходило из запертых домов, окон, похожих на глаза, затуманенные агонией, – остроконечных крыш, отражавших в воде креповые лестницы... Он миновал Quai Vert, Quai du Miroir, направился в сторону Pont du Moulin, печальных предместьев, окаймленных тополями. И повсюду на его голову сыпались, как холодные капли, мелкие, полные слез ноты приходских колоколов, падавшие точно из кропильницы для отпущения чьих-либо прегрешений.

Среди этого вечернего и осеннего одиночества, когда ветер сметал последние листья, он испытал сильнее, чем когда-либо, желание покончить с жизнью и нетерпеливое стремление к могиле. Казалось, что тень падала от башен на его душу, что древние стены давали ему совет, что какой-то шепот поднимался от воды, и вода стремилась к нему, как она стремилась к Офелии, судя по рассказам шекспировских могильщиков.

Несколько раз он ощущал это влияние обстановки. Он слышал молчаливый призыв камней; он на самом деле постиг волю вещей – не противиться окружающей смерти.

Он серьезно и долго думал о самоубийстве. Ах, как он обожал эту женщину! Ее глаза непрежнему были устремлены на него... А ее голос, который он все еще хотел уловить, хотя он скрылся так далеко, на краю горизонта! Что же было в этой женщине, что она так привязала его к себе, внушила отвращение к целому миру, как только она сама исчезла? Есть, значит,

любовь, напоминающая плоды с берегов Мертвого моря, которые оставляют во рту только вкус вечного пепла!

Если он воспротивился этой навязчивой мысли о самоубийстве, это тоже произошло из-за нее. Религиозное детство снова всплыло в его душе вместе с развитием его печали. Как мистик, он надеялся, что небытие не является концом жизни и что он когда-нибудь снова увидит ее. Религия запрещала ему добровольную смерть. Она равнялась бы его исключению из лона Бога, лишению смутной надежды снова увидеть ее!..

Итак, он остался жить; он стал даже молиться, находя отраду в воспоминаниях о ней, ожидая встречи с нею в садах неизвестного неба; он мечтал о ней в церквах, под звуки органа.

В этот вечер он зашел мимоходом в церковь Notre-Dame, где он часто любил бывать из-за ее похоронного вида: везде, на стенах, на полу, находились надгробные плиты с головами умерших, стертymi именами, надписями, изъеденными, точно уста камней... Сама смерть стиралась здесь смертью...

Но тут же рядом брэнность жизни озарялась утешительным видением любви, продолжавшейся и после смерти; что особенно привлекало Гюга в эту церковь: это были знаменитые гробницы Карла Смелого и Марии Бургундской, в глубине боковой часовни. Какое трогательное впечатление производили они! В особенности, – она, нежная принцесса, со сложенными пальцами, головой, покоящейся на подушке, в медной одежде, с ногами, опирающимися на собаку, символ верности, – вытянувшаяся во весь рост на своем саркофаге! Так и его умершая жена покоилась в его мрачной душе. Придет время, и он ляжет, подобно Карлу, возле нее. Сон друг возле друга, – хорошее прибежище смерти, если даже христианская надежда не должна была осуществиться и соединить их!

Гюг вышел из Notre-Dame более грустный, чем когда-либо. Он направился в сторону своего дома, так как приближалось время его обычной вечерней трапезы. Он искал в душе воспоминание об умершей, чтобы связать его с только что виденной гробницей и представить ее с другим лицом. Но черты умерших, сохраняясь некоторое время в нашей памяти, малопомалу стираются, бледнеют, точно пастель без стекла, которая исчезает бесследно. И в нашей душе наши умершие умирают во второй раз!

Вдруг, в то время как Гюг восстанавливал, – напрягая свой разум, точно смотря в глубину своей души, – ее наполовину уже стертые черты, он, обыкновенно едва замечавший прохожих, к тому же очень редких, ощутил внезапно волнение при виде одной молодой женщины, шедшей ему навстречу. Он прежде, не заметил, как она приближалась с конца улицы, и увидел ее только тогда, когда она была совсем близко.

Взглянув на нее, он быстро остановился, точно вкопанный; женщина, шедшая в обратном направлении, прошла возле него. Это было внезапное потрясение, словно появление призрака! У Гюга закружилась голова. Он провел рукою по глазам, точно для того, чтобы избавиться от сна. Затем, после минутного колебания, повернув в сторону неизвестной, удалявшейся медленной походкой, он направился назад, бросил набережную, по которой шел, и последовал за ней. Он шел быстро, чтобы догнать ее, переходя с одного тротуара на другой, подходя к ней, смотря ей в глаза с настойчивостью, которая была бы неприлична, если бы незнакомка не была так задумчива. Молодая женщина шла с безучастным видом, не замечая никого. Гюг казался все более и более странным и смелым. Он шел за ней уже в продолжение нескольких минут, с одной улицы на другую, то подходя к ней, точно желая окончательно убедиться, то удаляясь от нее, с видом ужаса, когда находился слишком близко. Он чувствовал себя одновременно привлеченным и испуганным, как возле глубокого колодца, в котором люди хотят найти черты дорогого лица...

Да! На этот раз он хорошо рассмотрел ее. Этот цвет лица, точно на пастели, эти глаза с широкими и темными зрачками были одинаковы! По мере того, как он шел за ней, он заметил, что ее волосы, видневшиеся на затылке, под черною шляпою и вуалеткою, отличались сходным

золотым отливом, цвета янтаря и кокона, волнистого, желтого оттенка. Одно маленькое несоответствие между ночными глазами и пламенным полднем волос!

Неужели его рассудок находился в опасности? Или его сетчатая оболочка; из желания сохранить умершую, отождествляла с ней прохожих? В то время как он стремился вспомнить ее черты, неожиданно появившаяся женщина показала ему слишком сходное родное лицо. Тревога от такого видения! Почти страшное чудо сходства, доходившего до тождества!

И все: ее походка, талия, ритм ее тела, выражение лица, глубокий мечтательный взгляд, все, что связано не только с линиями и красками, но и с психологией и движениями души, – все это снова вернулось к нему, снова показалось, точно ожило!

С видом лунатика Гюг все еще шел за ней, теперь машинально, не зная почему и не размышляя больше, по окутанному туманом лабиринту улиц Брюгге. Дойдя до перекрестка, откуда можно идти в несколько направлений, он вдруг потерял ее из виду – она ушла, скрылась в неизвестно какой извилистой улице...

Он остановился, смотря вдаль, созерцая пустоту, ощущая слезы на глазах...

Ах, как она напоминала его умершую жену!

Глава III

Гюг сохранил от этой встречи большую тревогу. Теперь, когда он думал о своей жене, он вспоминал незнакомку того вечера; она была для него живым, более ясным воспоминанием. Она казалась ему теперь точно еще более похожей на умершую.

Когда он в своем немом поклонении целовал реликвию хранимых волос или приходил в умиление перед каким-нибудь портретом, он сопоставлял изображение не с умершей, а с живой женщиной, напоминавшей ее. Таинственное сходство двух лиц! Это было точно сострадание судьбы, дарившей опору его памяти, помогая ему бороться с забвением, заменяя живым изображением то, которое бледнело, желтело и портилось от времени.

Гюг владел теперь более прочным и совсем новым изображением утраченной им женщины. Ему довольно было вспомнить древнюю набережную, наступающий вечер и приближавшуюся к нему навстречу женщину, с чертами его умершей жены. Ему не надо было заглядывать далеко в свое прошлое, отступать на много лет назад: ему достаточно было подумать о последнем или предпоследнем вечере. Это было совсем близко и теперь очень легко! Его взгляд снова созерцал дорогие черты: новый отпечаток слился с прежним, причем они усилили друг друга, создавая сходство, которое теперь производило впечатление почти настоящей действительности.

Гюг в следующие дни чувствовал себя захваченным этим видением. Итак, существовала женщина, очень похожая на ту, которую он потерял. Когда он видел, как она проходила, ему пришла в голову на одну минуту ужасная мысль, что та вернется, уже возвратилась, шла снова навстречу к нему, как прежде. Те же глаза, тот же цвет лица, те же волосы – все было одинаково похоже! Станный каприз Природы и Судьбы!

Ему хотелось бы снова повидать ее. Может быть, он никогда больше не увидит ее. Однако сознание, что она близко и что он может ее встретить, заставляло его чувствовать себя менее одиноким и не таким вдовцом. Разве он действительно вдовец, если его жена только отсутствует и появляется через короткие перерывы?

Ему казалось, что он снова встретит свою умершую, если пройдет та, которая ходит на нее. С этой надеждой он выходил в тот же самый час вечером, по направлению к тем местам, где он ее видел; он шел по старой набережной с почерневшими остроконечными крышами, с тюлевыми занавесками на окнах, из-за которых незанятые женщины, быстро заинтересованные его блужданием, наблюдали за ним; он удалялся по мертвым улицам, извилистым переулкам, в надежде увидеть ее, когда она неожиданно покажется на каком-нибудь перекрестке.

Так прошла неделя, полная постоянного обманутого ожидания. Он уже стал менее думать о ней, когда однажды, в понедельник, – в такой же день, как раз, как и первая встреча, – он снова увидел ее, узнал, когда она приближалась к нему своей раскачивавшейся походкой. Еще сильнее, чем в предыдущий раз, ее сходство показалось ему полным, абсолютным, прямо ужасающим...

От волнения его сердце почти перестало биться, точно он должен был умереть; кровь прилила к ушам, – словно белый тюль, свадебные вуали, процессии причастниц затуманили его глаза. Затем совсем близко показалось темное пятно проходившего мимо него силуэта.

Женщина, конечно, заметила его волнение, так как удивленно посмотрела в его сторону. Ах, этот снова возвратившийся взгляд, вышедший из состояния небытия! Он снова почувствовал на себе этот взгляд, который он не надеялся больше увидеть, считал поглощенным землею.... пристальный и нежный взгляд, обновленный, снова ласкавший его. взгляд, пришедший издалека, точно воскресший из могилы, подобно взгляду Лазаря, устремленному на Христа.

Гюг почувствовал себя бессильным, привлеченный всем своим существом, захваченный этим видением. Умершая жена была перед ним: она удалялась. Надо было следовать за ней,

подойти, смотреть на нее, упиться ее снова найденными глазами, осветить свою жизнь этими, напоминающими факел, волосами. Надо было, не рассуждая, идти за ней на край города и на край света... Он не задумался, машинально отправился за ней, на этот раз совсем близко, с возрастающим страхом потерять ее в этом древнем городе с извилистыми и кривыми улицами.

Разумеется, он ни минуты не подумал о том, что неприлично держит себя: преследует женщину. Ах! нет! он шел за своей женой, он провожал ее во время прогулки, в сумерки, и должен был проводить ее до могилы...

Гюг все шел, увлеченный, точно охваченный мечтой, или рядом с незнакомкой, шел позади нее, не замечая даже, что после пустынных набережных они достигли торговых улиц, центра города, Grand'Place, где огромная и черная башня крытого рынка боролась с надвигающейся ночью при помощи золотого щита – своего циферблата.

Молодая женщина, стройная и быстрая в движениях, как бы желая избавиться от этого преследования, устремилась на, rue Flamande – отличающуюся древними, украшенными скульптурой, точно кормы судов, фасадами, причем ее силуэт еще яснее обрисовывался каждый раз, как она проходила перед освещенным окном магазина или находилась в широком кругу света фонаря.

Затем он увидел, как она быстро пересекла улицу, направилась в сторону театра, дверь которого была открыта, и вошла туда.

Гюг не останавливался... Его охватила неудержимая сила, точно он стал ее вечным спутником. Движения души имеют тоже свою скорость. Покоряясь раз данному толчку, он, в свою очередь, вошел в вестибюль, куда прибывала толпа. Но его видение исчезло. Нигде, ни среди стоявшей в хвосте публики, ни у контроля, ни на лестницах он не видел молодой женщины. Куда она исчезла? Через какой ход? В какую боковую дверь? Он ясно видел, что она вошла. Конечно, она шла на спектакль. Она войдет сейчас в зал. Может быть, она уже там, сидит в кресле или в красном полумраке лож. Снова найти ее! Снова увидеть ее! Ясно созерцать ее в продолжение целого вечера! Он чувствовал, что его голова кружится от этой мысли, одновременно причинявшей ему радость и горе. Но он даже не подумал противиться этому внушению. И, ничего не взвешивая, ни своего странного поведения в течение целого часа, ни безрассудства своего нового проекта, ни аномалии – присутствовать на театральном представлении, несмотря на свой глубокий и вечный траур, – он без колебания подошел к кассе, взял билет и вошел в зал.

Его взгляд быстро пробежал по всем местам, рядом кресел, бенуара, ломам, верхней галерее, мало-помалу наполнявшимся, озаренным увлекательным светом люстр. Он не нашел ее и сделался смущенным, беспокойным, грустным. какой злой случай пошутил над ним? Галлюцинация лица, то показывающегося, то скрытого! Прерывистые явления, точно проблеск луны в облаках! Он ждал, все еще искал. Запоздавшие зрители спешили занимать свои места, среди резкого шума дверей и кресел.

Только она одна не показывалась.

Он начинал сожалеть о своем необдуманном поступке. К тому же все заметили его присутствие, удивлялись, наводили на него бинокли, чего он не мог не видеть. Разумеется, он никого не посещал, не сошелся ни с одним семейством, жил одиноко. Но все знали его в лицо, по крайней мере, знали, кто он такой, и слышали об его благородном отчаянии, в этом мало населенном Брюгге, столь не занятом, что все знают друг друга, интересуются приезжими, передают новости о соседях и наводят у них справки.

Это была неожиданность, почти конец легенды, торжество злых людей, всегда улыбавшихся, когда им говорили о неутешном вдовце.

Гюг, поддаваясь тому влиянию толпы, которое она оказывает, когда охвачена одной общей мыслью, ощутил в эту минуту нечто вроде вины перед самим собою, нарушения благо-

родной клятвы, как бы первую трещину в сосуде своего супружеского культа, через которую его печаль, донныне хорошо сохраненная, должна была истечь по каплям.

Оркестр начал тем временем играть увертюру той оперы, которую давали в этот вечер. Он прочел на программе у своего соседа название большими буквами: Роберт Дьявол, одну из этих старомодных опер, из которых почти всегда составляются провинциальные спектакли. Скрипки теперь брали первые ноты.

Гюг еще более смутился. Со времени смерти его жены он не слышал никакой музыки. Он боялся звука инструментов. Даже шарманка на улице, с своею прерывистою и слащавою музыкою, вызывала у него слезы. Так же действовал на него орган в церквях Notre-Dame и Sainte-Walburge, по воскресеньям, казалось, покрывающий прихожан черным бархатом и катафалком звуков.

Оперная музыка теперь раздражала его мозговую оболочку; струны били по нервам. У него защемило в глазах. Что, если он заплачет? Он уже захотел уйти, как вдруг странная мысль промелькнула у него в уме: женщина, за которую он в припадке безумия, из-за ее отрадного сходства, следовал до зала, не находилась здесь, он был в этом уверен. Однако она вошла в театр почти у него на глазах. Но, если ее не было в зале, быть может, она появится на сцене?

Профанация, заранее разрывавшая ему всю душу! Сходное лицо, черты его супруги при свете рампы и покрытые гримом! Что, если эта женщина, за которой он шел и которая, разумеется, быстро исчезла в какую-нибудь боковую дверь, была актрисой, и он увидит ее жестикулирующею и поющею? Ах! ее голос? Будет ли у нее, чтобы довершить сходство, тот же голос, – тот же голос оттенка прочного металла, точно из смеси серебра с бронзою, который ему не суждено было услышать никогда, никогда?

Гюг чувствовал себя взволнованным при одной мысли, что случайность могла продолжаться до конца; и, полон тревоги, он ждал, как бы предчувствуя, что его подозрение оправдается.

Проходили акты, ничего не выясняя ему. Он не нашел ее ни среди певиц, ни среди хористок, нарумяненных и расписанных, как деревянные куклы. Не обращая внимания на весь спектакль, он решил непременно уехать после сцены монахинь, кладбищенская обстановка которой наводила его на похоронные мысли. Но вдруг, в сцене общего пробуждения, когда балерины, изображая сестер монастыря, пробудившихся от вечного сна, проходят длинною вереницею, когда Елена оживает в своей могиле и, сбрасывая саван и одежду, воскресает из мертвых, – Гюг ощутил потрясение, как человек, избавленный от мрачной думы и входящий в праздничный зал, свет которого переливается в его трепещущих глазах.

Да, это была она! Она была балериной! Но он не подумал об этом ни минуты. Ему казалось, что умершая, вставшая из каменной гробницы, это была его умершая, которая теперь улыбалась, приближалась, протягивала руки.

Теперь балерина еще более походила на нее – это могло довести его до слез – с ее глазами, еще более темными от грима, ее распущенными волосами необыкновенного золотого цвета...

Трогательное видение, мимолетное, после которого быстро упал занавес.

Гюг с возбужденной головой, взволнованный и обрадованный, возвращался по набережным каналов, точно находясь в галлюцинации под влиянием постоянного видения, раскрывавшего все еще перед ним, даже темною ночью, свою светлую рамку... Таким был и доктор Фауст, очарованный магическим зеркалом, в котором виднелся небесный образ женщины!

Глава IV

Гюг легко узнал, кто она такая. Он прочел ее имя: Жанна Скотт, значившееся крупными буквами на афише, она жила в Лилле, приезжала два раза в неделю с труппой, в которой, служила, в Брюггедавать представления.

Балерины не считаются вовсе пуританками. Однажды вечером, решившись из-за мучительного очарования такого сходства подойти к ней, он остановил ее.

Она ответила, нисколько не удивляясь, точно ожидая встречи, голосом, взволновавшим Гюга до глубины души. Одинаковый голос! Голос той женщины, очень похожий, снова услышанный, голос одинакового оттенка, голос точно из чеканного золота. Демон аналогии насмеялся над ним! Или, быть может, существует тайная гармония в чертах лица, и известным глазам, известным волосам должен соответствовать один и тот же голос?..

Почему ей не иметь одинакового с умершей голоса, если у нее те же широкие черные зрачки, точно окруженные перламутром, те же редкие волосы несуществующего золотого оттенка? Смотря на нее теперь поближе, совсем близко, он не ощущал никакой разницы между прежней и новой женщиной. Гюг был поражен, что эта женщина, несмотря на пудру, румяна, освещение рампы, имела тот же естественный цвет лица, при неизменной неясности кожи. В обращении у нее ничего не было развязного, как у большинства балерин: скромный наряд и, как казалось, сдержанный и тихий характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.